smi2go.ru

«С покрытой головой перед его святейшеством» вспоминая Рени

Тематика: **Культура**
Статьи и исследования

Дата публикации: 7.09.2022

Дата мероприятия / события: 7.09.2022

г. Казань

18 августа исполнилось 380 лет со дня смерти Гвидо Рени – самого известного художника своего поколения, особо ценимого не только на своей родине – в Болонье, но и во всей Италии и за ее пределами. Например, во Франции его влияние очевидно в творчестве Лебрена, Греза, Вьена, а Стендаль так и вовсе выразился, что у Рени должно быть французская душа.

18 августа исполнилось 380 лет со дня смерти Гвидо Рени – самого известного художника своего поколения, особо ценимого не только на своей родине – в Болонье, но и во всей Италии и за ее пределами. Например, во Франции его влияние очевидно в творчестве Лебрена, Греза, Вьена, а Стендаль так и вовсе выразился, что у Рени должно быть французская душа.

Рени — один из самых влиятельных художников в истории искусства. Неровность его творчества привела к тому, что оценка его произведений со временем колебалась: современники превозносили их за гармонию, достигнутую путем сочетания классицизма Рафаэля с барокко Карраччи, искусствоведы XIX века, в числе их Рёскин, упрекали за сентиментальность и фальшь.

При этом в Европе сегодня нет почти ни одного музея, ни одного итальянского города, а в нем практически ни одной церкви или галереи, не обладающих произведениями Гвидо Рени, так же трогающими душу зрителей, как и несколько веков назад. Располагает работой Рени и Большое собрание изящных искусств ASG.

«Чтобы художнику выказать вполне свое дарование, и воспользоваться его плодами, недостаточно еще одного только таланта, а нужны благоприятные для того обстоятельства, случай и счастье, без которого, к сожалению, бессильны на земле всякое истинное достоинство, всякая правда и всякое почитание», - писали составители трехтомника «Картинные галереи Европы», вышедшего в Петербурге в 1863 году.

По мысли авторов, пример Гвидо Рени как нельзя лучше подтверждает приведенное суждение: художник бесспорно замечательного таланта; но таланта не столько оригинального, сколько подражательного, в первой половине своей художественной карьеры, он пользовался таким почетом, который едва ли доставался на долю Рубенсу и Рафаэлю. Слава его была тогда беспредельна, и уже, конечно, безмерно выше действительного его значения и достоинства. Но когда значение это созрело, талант отточился, художник вступил в пору своей зрелости, мы видим не того Рени, к которому не смели подниматься на леса даже кардиналы, а оставленного всеми, влачащего самую жалкую жизнь, почти на поденной работе у картинного ростовщика и барышника, едва достающего себе пропитание.

Что же явилось основной причиной такой ужасной метаморфозы? Хотела ли судьба наказать его за несправедливо присвоенную прежде им себе славу? Ничуть не бывало. Успехи Гвидо Рени были приобретены ценою действительного труда и таланта. В эпоху начала падения итальянского искусства, которому и он был отчасти причиной, он явился одним из самых отрадных явлений, на которое современники возлагали самые лучшие и светлые свои надежды; следовательно, успех его был заслуженный и справедливый. Утратил ли он во второй период жизни свой талант и призвание, переменил ли он направление или сошел с должной стези чистого и бескорыстного служения искусству? Опять, ничего этого не было. Произведения второй половины творческой деятельности Гвидо Рени ничуть не слабее первоначальных его созданий; в них, напротив, видна еще большая уверенность в своих силах, большая смелость сочинения, свобода ракурсов и кисти; одним словом, с какой стороны ни анализируй рассматриваемое нами явление, судьба Гвидо Рени может быть примером только в высшей степени поучительным для художников, нередко впадающих в самообольщение и отуманенных первыми успехами, при

которых упускают уже из виду необходимость постоянно поддерживать себя в однажды почетно занятом ими положении.

Гвидо Рени, ранняя молодость которого уже была полна самых блестящих надежд, был единственным сыном известных болонских музыкантов Даниэля Рени и Джиневры Поцци. Родители, особенно отец, по всей вероятности, были известны не только в родном городе, потому что в 1575 году, по случаю юбилея Рима, Даниэль Рени был приглашен в вечный город и принимал в празднестве самое деятельное участие. Во время этого отсутствия его в Болонье у него родился сын Гвидо, будущий великий художник, которому однако страстный до своего искусства отец готовил совсем иную артистическую карьеру. В пятилетнем возрасте мы видим маленького Гвидо Рени уже за клавесином; он получил блестящее музыкальное образование, музыку всю жизнь предпочитал литературе и за работой часто пел. Однако будущее призвание прорывалось у него то отвращением к инструменту, то множеством карикатур, которыми он испещрял свои ноты, то открытым желанием заняться изучением живописи.

Видя несомненное призвание мальчика, искры таланта, знакомый его отца живописец Денис Калверт, который имел при этом и живописную школу, успел убедить Даниэля отказаться от мысли сделать из сына своего музыканта, и сам дал ему слово в десять лет образовать из Гвидо великого живописца; вследствие чего девятилетний ребенок и был взят им из родительского дома в качестве ученика.

К величайшему сожалению, личный характер Калверта отнюдь не соответствовал принятой им на себя высокой обязанности обучения юношества. Живописец, в своем роде не лишенный достоинств, но косный в своих убеждениях, враг художественных нововведений, и в особенности возникавшей тогда школы Карраччи, необузданный в обращении со своими учениками, он в состоянии был только поселить в них отвращение к живописи, а уж никак не воодушевить их энергией. Известно, что Калверт поколотил и выгнал Доменикино за то, что застал его копировавшим рисунок Агостино Карраччи, которого почитал за вреднейшего реформатора. По словам Бальдассаре Ланчи, 137 молодых людей появлялись и были изгоняемы из мастерской живописца Калварта за подобные преступления; тем не менее, естественное течение времени взяло свое, и все эти молодые люди, перейдя от Калверта в школу Карраччи, делались сами впоследствии более или менее замечательными художниками.

Такая же точно участь ожидала и нашего Гвидо. Справедливость заставляет, однако, сказать, что успехи этого нового ученика вскоре заслужили ему особое исключительное благоволение его учителя; так что после четырёхлетнего пребывания его в школе, тринадцатилетней Гвидо был сделан Калвертом уже чем-то вроде помощника, с обязанностью обучать вновь поступающих юношей, в числе которых ему пришлось давать первые уроки Альбано и Доменикино, вскоре перешедшим от Калверта в школу Карраччи. Соблазненный значительными их успехами, пораженный результатом реформы, которую предприняли в искусстве знаменитые братья, и, наконец, утомленный невыносимым обращением с ним Калверта, Гвидо Рени искал только случая, чтобы последовать примеру своих товарищей, и случай этот скоро представился. Калверт подписал своим именем и продал картину, написанную Гвидо Рени, не уделив ученику своему из продажной цены и одного скуди. Тогда Гвидо Рени начал открыто выказывать симпатию свою к братьям Карраччи, в особенности же к старшему из них, Лодовико, за что однажды был жестоко наказан своим учителем. Убежав из его дома, явился он в мастерской Карраччи, и несмотря на все противодействия Калверта на другое же утро сделался действительным учеником Лодовико.

Вырвавшись из душной атмосферы школы Калверта, никто, конечно, как Гвидо Рени, не проникся так скоро убеждениями нового своего учителя. Пробыв несколько месяцев у Карраччи, он не только уже в совершенстве перенял их стиль и приемы, но даже развил их и усовершенствовал. Достаточно ему было только взглянуть на несколько присланных из Рима картин Караваджо, чтобы сделаться самому одним из первых «натуралистов» своего времени; одним словом, восприимчивость и передача впечатлений была у него баснословная; счастливые обстоятельства помогли скоро развиться и собственному его направлению.

Обстоятельства эти заключались в нарождающемся страстном соперничестве одного из учителей Гвидо Рени Аннибале Карраччи с гремевшим около этого времени в Риме Караваджо. Получив заказ расписать римский палаццо Фарнезе, Аннибале Карраччи решился во что бы то ни стало унизить и победить своего противника, и для скорейшего достижения этой цели, по совету друга своего Альбани, решился выписать в Рим Гвидо Рени, талант которого как нельзя более совпадал с направлением Караваджо, во многих случаях превышая его.

По другим сведениям, Гвидо Рени отправился в Рим, чтобы изучить работы Рафаэля, а также античные скульптуры: Рени был буквально очарован «Экстазом святой Цецилии » Рафаэля. Возможно, уже в 1600 году, но определенно в 1601 году он был в Риме, где 11 октября ему заплатил кардинал Сфондрато за мученичество святой Цецилии из церкви святой Цецилии в Трастевере: для того же клиента и той же церкви он также сделал тондо коронации святых Цецилии и Валериана (https://int-ant.ru/news/news-culture/art_k/posledniy-akkord-sienskoy-shkoly-atributsiya-polotna-franchesko-vanni-muchenic

hestvo-svyatoy-tsetsil/).

Но расчет Аннибале Карраччи в самом скором времени оказался неверным. Едва Гвидо Рени достиг вечного города, едва он почувствовал себя на твердой самостоятельной почве, как решился во что бы то ни стало сам составить себе карьеру и имя. Доверчивый Аннибале, который на первых порах решил сделать все возможное, чтобы в пику Караваджо выставить ученика своего в наилучшем свете, скоро, к величайшему сожалению своему, увидел, что своими руками вырыл себе могилу, и вместо помощника и товарища создал из Гвидо Рени соперника, едва ли не во сто раз опаснее самого Караваджо. Из биографии Доменикино Дзампьери известно, что потрясенный до глубины души неблагодарностью Гвидо, он решился противопоставить и ему, и Караваджо Доменикино; но и эта отчаянная попытка оказалась напрасной.

А между тем Гвидо Рени представлен был наизнатнейшим вельможам. Его работы в Риме: фрески «Муки Святого Андрея» (в церкви Св. Григория), картины «Фортуна, дарующая любовь» и «Кающаяся Магдалина», обратили на него всеобщее внимание, а знаменитые его фрески во дворце Роспильози, представляющие «Триумф Авроры» или «Аполлона, окружённого Музами», упрочили его славу.

Одобрение и поддержка только развили в высшей степени природные способности Гвидо Рени. За «Авророй» дворца Роспиглиози последовали вскоре «Избиение младенцев» и «Пьета» (обе находящиеся ныне в Болонье), бесспорно, лучшие произведения мастера; и восторгу римлян уже не стало предела.

Рени провозгласили первым художником своего времени; папа Iавел V поручил ему расписать стены Ватикана и Квиринала; ему поручено было заняться окончанием собора Св. Петра; в довершение всего Рени оказана величайшая из почестей, которая только доставалась на долю самым приближенным к папе: позволено стоять с покрытой головой перед особой его святейшества; наконец, когда поссорившись с папским казначеем по поводу какого-то денежного расчета, он неожиданно оставил Рим и уехал в Болонью, вдогонку ему послана была целая делегация, и у ворот Рима он был встречен кардиналами с особым триумфом по нарочно составленному для того церемониалу.

И кто бы мог только предположить, что все это могущество и неслыханные успехи, беспримерные почти в истории искусства (кроме Рафаэля) окончатся в самом скором времени так неожиданно; виновник их, гениальный художник, впадёт в нищету, в бесславие, даже в почти унижение; тем не менее, однако, все это случилось с Гвидо Рени, и временем этого кризиса или перелома в Фортуне следует считать приглашение его расписать фресками часовню Св. Януария в соборной церкви Неаполя.

В самый день приезда в Неаполь он уже увидел себя в положении, от которого погиб несчастный Дзампиери; но надеясь на помощь вице-короля, а еще более на собственные силы, Гвидо Рени решился было исполнить во что бы то ни стало принятое на себя обязательство, терпеливо восстанавливая фрески, накануне им написанные и тщательно стираемые его соперниками; выбрасывая и очищая краски, в которые враги его успевали подмешивать самые вредные для живописи и даже для самого здоровья художника ядовитые материалы; одним словом, с Гвидо Рени повторилась история Доменикино, в которой главным деятелем была зависть, а действующими лицами Эспаньолетто Рибейра, Корренцио и Джованни Ланфранко (кстати, Корренцио, которому в конце концов были поручены росписи церкви, упал с лесов, разбился и похоронен на месте падения).

Однако, ненадолго хватило терпения в борьбе со своими противниками у нашего мастера. Не жалея вовсе о потере заказа, он уезжает в Болонью, передав работу талантливому своему ученику Франческо Джесси, наследовавшему от учителя и все делаемые ему неприятности. Между тем, Гвидо Рени, которому не было тогда еще и 50 лет, следовательно, в самом цвете своего таланта, тем не менее, как бы усталый уже от забот и триумфов, решается не покидать никогда родного своего города, и в этом-то решении кроется тайный зародыш оборота его Фортуны.

Возвратившись в Болонью, славный художник уже не застал там прежних своих почитателей и поклонников. Новое поколение с новым на искусство взглядом и тенденциями сменило старое, возросшее в принципах школы Карраччи, которой, конечно, блестящим представителем был Гвидо Рени, и хотя не было разительного поворота назад, но вкус и направление века опередили его настолько, что прежнее обольщение внешности для него же исчезло, а так как внутреннее содержание картин было у него по большей части на втором плане, то удивительно ли после этого, что публика дошла в отношении к нему мало-помалу до разочарования.

Важною причиною упадка во мнении публики Гвидо Рени была также и его несчастная страсть к игре, заставлявшая его терять бездну денег, для приобретения которых он решался на всевозможные не позволительные для всякого, а не только для такого великого художника, выходки; например, продавал заранее будущие картины, а выполнение их поручал часто бездарным своим ученикам; копии которых со своих собственных картин продавал за оригиналы; не дожидаясь в своей мастерской покупателей, ходил из палаццо в палаццо,

навязывая всем и каждому будущие свои произведения, как бы испрашивая себе подаяния, а вырученные таким образом деньги спускал в первой же таверне, попадая по большей части на профессиональных шулеров.

Что ж удивительного, если после 15 лет такой противоестественной художнической жизни, бывший великий художник и любимец Павла Ѵ, чтобы отыскать себе пропитание, заключил условие с неким Самуилом Гвидотти, по которому ценою нескольких золотых монет продал ему все свое время, обязавшись «изготовлять ему по картине в неделю, на сюжеты и темы, которые будут ему заданы его арендатором»! Историк Бальдинуччи, описывающей нам этот последний акт унижения бывшего великого мастера, говорит, что «нельзя было удержаться от слез, видя этого почтенного старика, изнемогающего под бременем своей поденной работы, и не смеющего из опасения огромного штрафа и разрыва условия иметь в день хотя несколько минут отдыха и покоя».

Рени впадает в депрессию, признается, что думает о смерти, «зная, что я прожил много, даже слишком много, утомляя многих других, вынужденных оставаться низко, пока я живу»…

По счастью, такое невыносимое положение продолжалось недолго. Угнетаемый, оставленный своими друзьями, осажденный заимодавцами Гвидо Рени скончался в 1642 году, на 67 году своей жизни; и только тогда, как бы отрезвленные его кончиной, сограждане решились воздать ему должную, хотя и запоздавшую почесть. Тело его было погребено под алтарем соборной церкви Св. Доминика в Болонье с величайшею пышностью. Городской сенат, магистрат, корпорация болонских и иногородних художников, равно как и громадное количество собравшегося народа, провожало бренные останки художника, пользовавшегося половину своей жизни, положим, хотя не вполне заслуженною славою, но зато, искупившего это еще менее заслуженным им унижением в продолженье остальной половины художественного своего поприща.

Сравнивая мысленно талант и заслуги Гвидо Рени с заслугами других живописцев Болонской школы, не исключая даже и Доменикино, и даже со всеми другими итальянскими художниками XVII столетия, нельзя не отдать справедливости, что преимущество в этом отношении остается на стороне Гвидо Рени. Выведя за скобки недостаточность внутреннего содержания произведений этого мастера; нередкие увлечения его придавать картинам своим приторность и сентиментальность, тем не менее, мы оставим за ним звание технического виртуоза своего времени: эта заслуга уже настолько велика, чтобы мы можем, подобно его биографам, почтить произведения и имя Рени титулом «знаменитого» и «великого».

Вообще же, в произведениях Гвидо Рени должны мы отличать две резко отделенные одна от другой манеры: первая, возникшая под влиянием Караваджо, сильная, энергическая, блестящая, доходящая иногда до испанской экспрессии; вторая же нежная, даже сентиментальная, впадающая нередко в бледность, безжизненность и бесцветность. Хотя Гвидо Рени и не был в полном смысле слова оригинальным и самобытным художником, родоначальником какой-нибудь особой школы и направления, тем не менее, нельзя его назвать и подражателем какого-нибудь отдельного живописца из его предшественников или современников: стиль его составлен скорее из соединения стилей многих великих художников. Рисунок его отличается вообще нежностью и скромностью. Лица головок его прелестны, верны натуре; но от недостатка внутреннего выражения нередко холодны; а вот его кисть весела и игрива.

К приёмам господствовавшей тогда школы Карраччи он умел присоединить более чистоты и изящества, чем его современники. В позапрошлом веке, когда мерилом красоты и грации выступали антики, в картинах Гвидо Рени видели скорее чистоту кисти, чем правильность рисунка, скорее изысканность и манерность, нежели чистый возвышенный стиль и утонченную грацию. Тем не менее, его смелые драпировки, неподражаемо нежные женские головки, в особенности лица младенцев, в которых он разлил столько беззаботности и красоты, поистине неподражаемы, и долгое время будут еще служить источником вдохновения и восторга всех последующих за Гвидо Рени художников.

Благодаря его биографу и другу Мальвазиа, мы многое знаем о Рени и как о человеке. Художник был довольно набожен, сильно привязан к матери, портрет которой он также написал, пожалуй, это была единственная женщина в его жизни, которой он доверял.

Ко всем остальным он, как говорят, был довольно подозрителен и холоден. Он боялся ведьм - что, вероятно, не редкость в его время, боялся быть отравленным.

Зарабатывая своим искусством, Рени всегда, не говоря о последнем периоде его жизни, жил на широкую ногу, был всегда хорошо и по последней моде одет, щедр к своим друзьям и ученикам и анонимно жертвовал деньги на благотворительность. В то же время он нередко был чувствительным и раздражительным и не ладил с некоторыми своими коллегами - Альбани и Доменикино - и учителями Калвартом и Лодовико Карраччи.

Мальвазия также сообщает, что художник иногда устраивал настоящие перформансы перед

высокопоставленными представителями итальянской или европейской аристократии или другими ценителями искусства, где показывал свою скорость и мастерство, создавая картину среднего размера за несколько часов на глазах зрителей.

В Большом собрании изящных искусств ASG хранится работа мастерской Рени «Святой Себастьян». Этот образ, несмотря на серийность (заваленный заказами, художник десятками писал образы мадонн, Иродиад, Юдифей и др.) несет в себе свет гения Рени. Сравнение двух работ – из палаццо Россо и БСИИ – приводит к убеждению, что последняя работа принадлежит мастерской Рени: не так изящны складки драпировки на чреслах святого, более схематичен фон. Но сам образ, этот кротко скорбящий святой с глазами, увлажненными слезами, с удивительным тоном, каким написано его тело (за этот тон художника называли «медовый Рени»), вызывающий сострадание, несет в себе приметы виртуозной кисти маэстро Рени…

За четыре века, прошедшие со дня кончины художника, отношение к его творчеству и самой личности менялось с восторженного до уничижительного: «князь Юсупов в живописи, роскошно бросающий краски, формы и украшения, чтобы прикрыть бедность мысли», писал о нем профессор С. Безсонов в 1937 году, не осознавая, что Рени просто великий мастер, и этот масштаб относим и к его достижениям, и к неудачам.

Светлана Бородина

Источник: Международный институт антиквариата

Постоянная ссылка на материал: http://www.smi2go.ru/publications/146440/